

К. М. ГЮЛУМЯНЦ

НЕПОЛНЫЕ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

(на материале общих заимствований)

Важной задачей сравнительно-типологического изучения славянских языков является описание разных типов межъязыковых фразеологических соответствий. Фразеологическая система любого славянского языка содержит как общие (для большей части или некоторых славянских языков), так и различные элементы. Первое обусловлено единым источником происхождения и сходными тенденциями последующего функционирования близкородственных языков; второе является показателем самостоятельности (автономности) языка и отражает своеобразие его исторического развития. В зависимости от целого ряда причин (и, в первую очередь, от характера и продолжительности языковых контактов) между устойчивыми сочетаниями двух языков устанавливается в каждом отдельном случае особое соотношение тождественных, близких и несходных фразеологизмов. В этом плане немалый интерес представляет, в частности, вопрос о специфике белорусско-польских фразеологических соответствий / несоответствий. С одной стороны, белорусский и польский представляют разные группы славянских языков (восточную и западную), но, с другой, — это языки соседствующих народов, контакты между которыми становятся активными уже с конца XVI века.

Предмет изучения в данной статье составляет одна группа ФЕ — неполные (частичные) белорусско-польские фразеологические соответствия (иначе: неполные (частичные) эквиваленты)¹. С точки зрения происхождения неполные эквиваленты, как показывает анализ материала, достаточно разнородны. Среди них есть общеславянские фразеологизмы (например: *з'есці пуд солі з кім* — *zjeść z kim beczkę soli*; *закрануць за жывое* — *dotknąć do żywego*), сочетания, отмеченные на восточнославянском и польском ареале (ср.: *абрасці мохам* — *mchem porosnąć*); заимствования из одного языка в другом (как: бел. на *поўную* губу из польск. *na całą gębę* или польск. *wyrwał się jak filip z kopory* — *выскачыў як піліп з каняпелі* и др.). Значительное количество неполных эквивалентов мы обнаружили также среди общих фразеологических заимствований (калек и полукалек) из западноевропейских языков (рассматриваемых как языки-источники или языки-посредники). Остановимся на данной группе сочетаний подробнее. Фразеологическая эквивалентность (равно, как и лексическая)² проявляется, как известно, либо в одном плане (выражения, содержания), либо в том и другом одновременно и, таким образом, типы расхождений в исследуемой группе фразеологизмов очень разнообразны. При анализе общих заимствований прежде всего бросается в глаза внешняя оболочка фразеологизмов, т. е. способ языкового воплощения иноязычной единицы. Под этим углом зрения можно выделить **тождественные полностью, тождественные частично** и только **близкие** белорусско-польские эквиваленты. Как свидетель-

ствуют примеры, полное тождество лексико-грамматического построения заимствованных фразеологических единиц говорит в пользу адекватности также смыслового содержания³. Другие случаи крайне редки. В качестве примера приведем бел. вадзіць за нос каго со значеннем: «абяцаць і не выконваць, уводзіць у зман» (ТСБМ 1, 450; Л. 27)⁴, что не соответствует семантике польского фразеологизма («parzusić komu swoją wolę; kierować, rządzić kim») (SFJP 1, 520). Неоднородность значения данных сочетаний объясняется, как нам кажется, тем, что разными по смыслу являются соответствующие единицы предполагаемых языков-источников. Так, нем. j-n an der Nase herumführen означает: «водить за нос, провести кого-либо» (НРФС 413), в то время как фр. mener Qп par le nez имеет два значения: а) «командовать, распоряжаться кем-л.», «вить веревки из кого-л.», «держать кого-л. под каблуком»; б) «обманывать, водить за нос» (ФРФС 737).

Что же представляют собой фразеологизмы, для которых характерно не полное, а лишь частичное структурное тождество? Здесь можно выделить два случая: 1. При неполном совпадении плана выражения отмечается однозначность содержания соответствующих фразеологических единиц. Формальные отличия могут возникать на одном языковом уровне или на нескольких одновременно. Наиболее типичными являются следующие: 1) В составе фразеологизмов имеются лексемы, отличающиеся отдельным словообразовательным элементом. Ср. бел. Гара нарадзіла мыш (Л. 35), польск. Góra **porodziła** mysz (SFJP 1, 257) от фр. La montagne enfante une souris (ФРФС 709), бел. натуральны адбор, польск. **dobór** naturalny (SFJP 1, 173), англ. natural selection (АРФС 2, 804). 2) Фразеологизм одного из языков содержит факультативный член, отсутствующий в другом языке. Ср. раскрыць (свае) карты (ТСБМ 4, 655) — odkrywać (osłaniać) wykładać karty (SFJP 1, 319). В данном случае в белорусском и польском представлены разные варианты исходного немецкого сочетания: seine (или die) Karten aufdecken (НРФС 315). См. еще: праглынуць пілюлю (ТСБМ 4, 313) — przełknąć (połknąć) **gorzką** pigułkę (SFJP 1, 678), ср. фр. avaler la pilule (ФРФС 371) и нем. eine (bittere) Pille (herum)schlucken müssen (НРФС 439). Калька белорусского языка (как и русского) воспроизводит французский фразеологизм, в то время как польская образовалась под преимущественным влиянием немецкого. 3) Частичная эквивалентность белорусских и польских фразеологизмов обусловлена варьированием одного из компонентов сочетания. При этом у слов-альтернантов нивелируются в составе ФЕ смысловые различия. Данное явление отражено в некоторых из приведенных примеров. Ср. еще: бел. цягаць з агню каштаны для каго и польск. wyciągać/wyjmować dla kogo, za kogo kasztany z ognia (SFJP 1, 320), фр. tirer les marrons du feu pour Qп (ФРФС 664). Наличие вариантов, которые возникают чаще всего в процессе функционирования фразеологизма, свидетельствует о некоторой неустойчивости его формы, а это, в свою очередь, создает возможность дальнейших преобразований. 4) Фразеологизмы анализируемых языков частично различаются лексическим составом, т. е. соотносятся друг с другом как межъязыковые варианты. Естественно, что в этом случае между соответствующими лексемами устанавливаются определенные смысловые связи. Ср.: барацьба за існаванне (ТСБМ 1, 343) — walka o byt (SFJP 2, 504), англ. the struggle for existence (АРФС 2, 890); польская лексема шире по значению, она включает в себя компонент «существование»; вось (вот) во дзе сабака **закапаны** (ТСБМ 5, 8) — tu leży pies **pogrzebany** (SWO 819), нем. da liegt der Hund begraben (НРФС 301) — подчеркнутые глагольные компоненты имеют общие семы. Ср. еще: ад (усяго) сэрца (ТСБМ 5, 440) — z (całego) serca (SFJP 2, 103), нем. von (ganzem) Herzen (НРФС 283), слово ganz включает оба значения («весь», «целый»). 5) Неполное сходство фразеологизмов может создаваться за счет неодинакового синтаксического построения соответствующих единиц. Ср. бел. адамаў яблык (Л. 13), польск.

jablko Adama (реже: adamowe (SFJP 1, 82), нем. Adamsapfel; Варфаламееўская ноч (Л. 29) — noc świętego Bartłomieja (БРПС, 1, 88), нем. Bartholomeusnacht).

Во всех рассмотренных случаях фразеологизмы белорусского и польского языков, несмотря на некоторые формальные расхождения, выполняют тождественные синтаксические функции, а значит, соотносятся с одними и теми же частями речи. Наблюдается, однако, и такой факт, когда несходство формы отражает функциональное различие устойчивых сочетаний. Ср. бел. з адкрытым (паднятым) забралам — единицу обстоятельственного характера (она означает: «адкрыта, не утойваючы сваіх сапраўдных намераў») (ТСБМ 2, 280) и польск. wystąpić z podniesioną przyłbicą (SFJP 1, 777) — глагольно-обстоятельный оборот, неточная калька нем. mit offenem Visier kämpfen — «сражаться с открытым забралом» (НРФС 598). Вариант ФЕ (с поднятым забралом) дает более точное представление о соответствующей ситуации, он возник под влиянием другого фразеологизма (mit verschlossenem Visier kämpfen — «сражаться с опущенным забралом»), который содержит прилагательное — антоним («закрытый»).

Представляя приведенные выше примеры как эквивалентные по значению, мы имеем в виду общее (глубинное) смысловое содержание и не учитываем незначительных расхождений в толковании значения фразеологизмов. Это вполне допустимо, если принять во внимание, что в разных лексикографических источниках одного языка также допускаются различия в формулировке значения. Так, например, бел. вады (нікому) не замуціць толкується как «(нікому) не зрабіць шкоды» (ТСБМ 2, 351) и как «быць ціхім, сціплым, лагодным» (Л. 28, ср. ФС, 35), см. польск. nie zamącić komu wody (SFJP 2, 750) со значением «не мешать кому-л. в чем-л.» на основе нем. j-d kann kein Wasserchen trüben (НРФС 609). В ряде случаев фразеологизмы белорусского и польского языка, совпадая в основном значении, различаются стилистическими оттенками. Ср. лукулаўскі абед — «вельмі багаты абед» (ТСБМ 1, 45) и: uczta, biesiada itp. lukullusowa — «пир (пиршество и т. п.), отличающийся обилием вкусных блюд» (SWO 438), ср. нем. ein lukullisches Mahl (НРФС 382); существительное «абед» ближе к нем. нейтральному слову «еда» (das Mahl), вместе с тем, польские книжные эквиваленты лучше сочетаются с понятием «лукуллов» (ср. русск. лукуллов пир).

2. Белорусско-польские фразеологизмы различаются как по форме, так и по содержанию. Вот несколько примеров. Фразеологизм ставіць / паставіць кропкі (кропку) над «і» имеет в белорусском языке два значения: а) «удакладняць / удакладніць усе дэталі, не пакідаць / не пакінуць нічога недагаворанага»; б) «даводзіць / давесці да канца, рабіць / зрабіць свае вывады» (ТСБМ 5(1), 295). Польский эквивалент postawić (położyć) kropkę nad i (SFJP 1, 359) отмечен только в первом из приведенных значений (также, как и фр. mettre les points sur les i (ФРФС 860). Сочетание з птушынага лёту / палёту (или: з вышыні птушынага палёту) приводится то с одним значением (ТСБМ 1, 596; ФС 118), то с двумя: «зверху (глядзець)» «павярхоўна (меркаваць)» (Л. 60), так же, как в русском языке (ФСРЯ 337). Значение «поверхностно» в белорусском языке, видимо, еще не закрепилось, однако о возможности расширения семантики сочетания именно в этом направлении говорит такой пример его употребления: «Гэта жыццё яшчэ не вызвалілася ад жывёльных інстынктаў...— Гэта зверху, бач, з птушынага, як кажуць лёту... А зазірні ты ў гушчу — чырвоны смех, ды далёка не па-андрэўску». (Ц. Гартны. Сокі цаліны). Польское выражение z lotu ptaka (SFJP 1, 394) употребляется только с прямым значением (т. е. «сверху»), ср. фр., где данная ФЕ имеет еще значение «по прямой (линии)» à vol d'oiseau (ФРФС 1106). Развитие смысловых связей характерно также для польской кальки ostatni mohikanin (англ. the last of the Mohicans (АРФС 1, 530). Наряду с исходным значением, которое присуще белорусскому сочетанию апошні

з магікан, т. е. «апошні прадстаўнік чаго-н.» (ТСБМ 1, 252), в польском развивается еще другое «эпигон» (SFJP 1, 455).

О преобразовании внутренней структуры фразеологизма говорит не только появление новых оттенков смысла, но также сужение значения, его специализация. В качестве примера приведем выражения гарчыца пасля вячэры и польск. musztarda po obiedzie (ср. фр. варианты: moutarde après (le) diner (ФРФС 725) и la moutarde après la viande (Сивис 2, 740). Белорусская калька означает: «нешта атрыманае са спазненнем, тады, калі ў ім няма ўжо неабходнасці» (Ш., Р. 12), польское сочетание наряду с этим значением и на его основе развивает второе, более узкое, которое явно выдвигается на первый план, а именно: «известие, информация, полученные с опозданием, уже ненужные» (SFJP 1, 462). Вот характерные примеры такого употребления: «Wiadomość jest coś warta wtedy tylko, gdy PAP przekaże ją jako pierwsza. Inaczej musztarda po obiedzie (Przekrój, 1976, 1654); A dzienniki nasze... czasem podają wiadomości spóźnione, jednym słowem, «musztarda po obiedzie» (Różewicz, Śmierć w starych dekoracjach).

Итак, неполные фразеологические белорусско-польские соответствия нередко возникают в сфере общих заимствований. Процесс заимствования фразеологизмов протекает в каждом языке своеобразно. Это естественно: фразеология развивается не изолированно, а как неотъемлемая часть языка и закономерно отражает те или иные его особенности, тенденции развития. В заключение укажем еще на то, что фразеологические заимствования анализируемых языков совпадают не во всем своем объеме. Только в белорусском есть, например, сочетания сіняя панчоха (англ. a blue stocking), жоўтая прэса (англ. the yellow press), зблытаць карты (фр. brouiller les cartes), паветраныя замкі будаваць (нем. Luftschlösser bauen) и ряд других.

¹ Общие элементы фразеологии белорусского и польского языков в какой-то мере уже изучались. См.: Аксамітаў А. С. Беларуская фразеалогія.— Мінск, 1978.— С. 212—215; Камароўскі Я. М. Абпадабенстве і адрозненні некаторых структурных тыпаў фразеалагічных адзінак у славянскіх мовах.— Весн. Беларускага ун-та, 1980, сер. IV, філал., журн., пед., псіхал.— № 2.

² См.: Супрун А. Е. Сопоставительно-типологический анализ лексики // Методы изучения лексики.— Минск, 1975.

³ Эквивалентными по форме и содержанию являются такие, например, фразеологизмы: бура ў шклянцы вады—burza w szklance wody; гарматнае мяса—mięso armatnie; зорка першай велічыні—gwiazda pierwszej wielkości и др.

⁴ Используемые источники и принятые сокращения: Англо-русский фразеологический словарь / Составил Кунин А. В.—Москва, 1967.—Т. I—II.—(АРФС); Бабкин А. М., Шендеев В. В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. В двух книгах.—Москва—Ленинград, 1966 (Сивис); Большой русско-польский словарь. В двух книгах / Под ред. Мировича А.—Москва—Варшава, 1970 (БПРС); Лелешаў І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў.—Мінск, 1981 (Л.); Немецко-русский фразеологический словарь / Составили Бинович Л. Э. и Гришин Н. Н. Изд. второе.—Москва, 1975 (НРФС); Тлумачальны слоўнік беларускай мовы.—Мінск, 1977—1984.—Т. I—V.—(ТСМБ); Французско-русский фразеологический словарь / Под ред. Рецкера Я. И.—Москва, 1963 (ФРФС); Фразеологический словарь русского языка / Под ред. Молоткова А. И.—Москва, 1967 (ФСРЯ); Чаму мы так гаворым / Складальнікі Шпадарук І. П., Рудакоўскі В. В.—Мінск, 1985 (Ш., Р.); Stanisław Skorupka. Słownik frazeologiczny języka polskiego.—Warszawa, 1967—1968.—Т. I—II. (SFJP); Słownik wyrazów obcych / Red. Tokarski J.—Warszawa, 1971 (SWO).